

После первого снега Внутренняя придворная управа и Министерство обрядов начали спешно готовиться к важному событию — первому отбору наложниц первого года правления Юнчжэна. Указ был объявлен всему дворцу, главной распорядительницей назначалась императрица Уланала-Исю, в помощь ей придавались Наследная наложница Хуа Нянь Шилань и Наследная наложница Ци Ли Цзинъянь.

Когда указ доставили во Дворец Икунь, Нянь Шилань как раз подводила брови перед зеркалом. Услышав новость, она с треском переломила палочку для сурьмы.

— Отбор наложниц? — Она резко встала, её прекрасное лицо мгновенно омрачилось, в груди застрял ком из гнева и досады. — Император только-только взойшёл на престол! В гареме всего несколько дней спокойствия! И уже спешит набрать новых?

Сун Чжи в испуге рухнула на колени:

— Госпожа, гневаться изволите! Это лишь по старому обычаю...

— По обычаю? По какому ещё обычаю надо именно сейчас! — Брови Нянь Шилань взметнулись вверх, в прекрасных глазах вспыхнула знакомая ревность и недовольство. Она вспомнила, что в последнее время император хоть и заходил к ней иногда, но был сдержан, без прежней теплоты. Оказывается... оказывается, его мысли уже улетели к ожидающим отбора девушкам-кандидаткам!

Она по-прежнему считала, что в её сердце живёт любовь к императору, и жгучее чувство собственности не угасло после недавнего испуга, а, наоборот, разгорелось с новой силой из-за угрозы, что кто-то другой разделит с ней его милость. Она всё ещё была той самой гордой Наследной наложницей Хуа, которая не потерпит посягательств на свою вещь.

Во Дворце Цзинжэнь Исю, глядя на сидящих перед ней Наследную наложницу Хуа и Наследную наложницу Ци, со спокойным видом распределяла обязанности.

— Отбор наложниц касается продолжения рода императора и судьбы государства, поэтому он должен быть тщательным и безупречным. Наследная наложница Ци, возьми на себя хлопоты по слежению за всеми процедурами Внутренней придворной управы. Если что-то будет не по правилам — немедленно докладывай мне, — Исю поручила Ци хлопотное, но не чреватое ошибками дело.

Ци, почувствовав себя обласканной доверием, поспешно ответила:

— Госпожа, не извольте беспокоиться. Ваша служанка приложит все усилия!

Только тогда Исю повернулась к Нянь Шилань, и её тон стал мягче:

— Наследная наложница Хуа, у тебя отличный вкус и широкий кругозор. Этап осмотра внешности, поведения и талантов кандидаток я поручаю твоей помощи. В конце концов, они

станут сёстрами, которые будут прислуживать императору, и нужно выбирать достойных, с хорошими манерами и внешностью.

Выбирать будущих соперниц?

Нянь Шилань почувствовала, как в груди застрял ком, который не проглотить и не выплюнуть. Она хотела было отказаться, но, встретив спокойный и непреклонный взгляд Исю, вспомнила предупреждение в ту снежную ночь и записку «Осторожной будь». Слова застряли у неё в горле.

Нельзя капризничать. Нельзя показывать, что она недовольна. Особенно... нельзя терять лицо перед императрицей. Она выдавила из себя улыбку, голос прозвучал сухо:

— Ваша служанка... повинуется указу.

Только улыбка эта вышла какой-то натянутой и обиженной.

Исю, казалось, ничего не заметила, лишь слегка кивнула:

— Вот и славно.

В день отбора в павильоне Цзянсюэ в западной части Запретного города царила торжественная атмосфера, полная скрытых интриг.

Исю восседала в центре, величественная и строгая. Нянь Шилань и Ли Цзинъянь сидели по бокам.

Вереницы девушек-кандидаток в одинаковых знамённых платьях, опустив головы, ступая на высоких подошвах, мелкими осторожными шажками входили внутрь. Под руководством старших служанок они называли свои имена, совершали поклоны, поднимали головы, чтобы их рассмотрели.

Полные и худые, красавицы на выданье. Одни кокетливые, другие нежные, одни чистые и прекрасные, другие яркие и жизнерадостные — у каждой своя прелесть.

С каждой новой вошедшей взгляд Нянь Шилань впивался в неё, словно нож, находя изъяны во внешности, манерах и происхождении. У этой глаза слишком маленькие, та слишком зажата, у этой слишком низкое положение, у той слишком хитрая внешность... Она почти все были ей не по нраву, ей хотелось, чтобы всем отказали.

— Ань Линжун, дочь селина Ань Бихуая из ханьского знамени, шестнадцать лет, — объявил евнух.

Вперёд вышла тоненькая, с чистыми чертами лица девушка, в глазах которой читалась робость и напряжение. Голос её был тише комариного писка:

— Ваша подданная Ань Линжун приветствует императрицу, Наследную наложницу Хуа и Наследную наложницу Ци.

Взгляд Исю задержался на ней на мгновение, но прежде чем она успела открыть рот, Нянь Шилань рядом тихо фыркнула. Негромко, но достаточно, чтобы все вокруг услышали:

— Всего лишь дочка какого-то селина, правил не выучила, а её уже на отбор отправили? Голос дрожит так, что подумаешь, будто у нас во дворце её кто-то обижает.

Ань Линжун побледнела от страха, её трясло ещё сильнее.

Исю мельком взглянула на Нянь Шилань, но не сделала замечания, лишь спокойно сказала:

— Подними голову.

Ань Линжун робко подняла голову, взгляд её бегал.

Исю некоторое время рассматривала её, затем сказала евнуху:

— Запиши имя.

Нянь Шилань нахмурилась, с недоумением глядя на Исю. Зачем императрица оставила простоватую кандидатку? На душе у неё стало ещё тяжелее.

Затем вошли ещё несколько девушек, и Нянь Шилань продолжала придирается. Пока не объявили:

— Шэнь Мэйчжуан, дочь цзичжоуского селина Шэнь Цзышаня, семнадцать лет.

— Чжэнь Хуань, дочь Чжэнь Юаньдао, младшего министра Верховного суда, шестнадцать лет.

Две девушки вышли вместе, поклонились и поздоровались. Голоса их звенели, манеры были безупречны. Шэнь Мэйчжуан — воплощение достоинства и благородства, Чжэнь Хуань — сама чистота и изящество. Но особенно ценно было то, что обе держались спокойно и естественно, выгодно выделяясь на фоне остальных — то напряжённых, то робких.

Взгляд Нянь Шилань мгновенно стал острым, особенно когда она остановилась на лице Чжэнь Хуань. В нём было смутное сходство с императрицей Чуньюань, чей портрет она видела у императрицы. В голове Нянь Шилань зазвенели колокольчики тревоги, чувство опасности резко возросло!

Такая внешность и стать — если попадёт во дворец, станет главной угрозой!

Она почти сразу захотела придраться.

Но не успела она раскрыть рта, как Исю рядом медленно произнесла:

— Дочь Чжэнь Юаньдао? Подними голову, дай мне как следует разглядеть.

Чжэнь Хуань повиновалась, подняла голову, взгляд её был ясным, без тени лести или высокомерия.

Исю смотрела на неё, молча. В зале повисло напряжение. Нянь Шилань в волнении сжала платок, боясь, что императрица скажет «оставить».

Но Исю лишь слегка изогнула губы в непонятной улыбке и, повернувшись к Нянь Шилань, спросила:

— Наследная наложница Хуа, что ты думаешь об этой девушке?

Нянь Шилань опешила. Она не ожидала, что императрица вдруг спросит её мнения. Подавив сильную неприязнь, она осторожно подбирала слова, стараясь, чтобы её предвзятость выглядела «справедливо»:

— Я полагаю... внешность у неё неплохая, но черты лица... слишком живые, наверняка умом бойкая. Она, пожалуй, не так сдержанна и серьёзна, как та, рядом, из рода Шэнь, — она намеренно обошла самое убийственное сходство с императрицей Чуньюань.

Исю выслушала, не высказав своего мнения, и снова перевела взгляд на список кандидатов, как будто раздумывая.

Сердце Нянь Шилань ушло в пятки.

Наконец Исю равнодушно произнесла:

— Шэнь Мэйчжуан — оставить. Чжэнь Хуань... — Она сделала паузу и под напряжённым взглядом Нянь Шилань медленно закончила: — Отказать.

Евнух громко повторил:

— Чжэнь Хуань — отказ!

Нянь Шилань вздохнула с облегчением, почти падая от слабости. Спина у неё покрылась холодным потом.

Она машинально взглянула на Исю, но та лишь опустила глаза и пила чай, лицо её было невозмутимо, словно она только что приняла ничего не значащее решение.

Почему? Почему императрица не оставила ту, что больше всех походила на Чуньюань и представляла наибольшую угрозу? Из-за меня? Или тут есть какой-то глубинный смысл?

Сложные, невыразимые чувства нахлынули на Нянь Шилань. В них было и недоумение по поводу поступка императрицы, и... странное, едва уловимое волнение, вызванное императрицей.

Отбор длился целый день. В итоге были оставлены восемь кандидаток, включая Шэнь Мэйчжуан и Ань Линжун.

После окончания Нянь Шилань, усталая, вернулась в свой Дворец Икунь. Но на душе у неё не было покоя. От одной мысли, что во дворец скоро войдут восемь новых наложниц, которые разделят с ней благосклонность императора, у неё сжималось сердце, словно ватой заложило грудь.

Она отослала всех и села у окна, хмурясь. Она по-прежнему думала, что глубоко любит императора и не может выносить, когда его взгляд устремляется на другую женщину. Эта сильная собственническая ревность почти захлестнула её.

Вдруг пришла Цзянь Цю из Дворца Цзинжэнь, а за ней два маленьких евнуха несли горшок с пышно цветущей зелёной хризантемой.

— Моё почтение госпоже Наследной наложнице Хуа, — с улыбкой произнесла Цзянь Цю. — Императрица велела передать, что сегодня вы потрудились на отборе. Этот «Зелёный пион» выращен с особым тщанием в теплице, цветёт он редко. Госпожа посчитала, что он радует глаз и освежает, и специально велела служанке принести его вам для улады, чтобы вы отдохнули от забот.

Нянь Шилань, глядя на столь редкую зимой зелёную хризантему, застыла.

Императрица... утешает её? Или напоминает о сегодняшнем дне?

Она вспомнила сегодняшний спокойный взгляд Исю, её внезапный вопрос, а теперь ещё этот явно специально выбранный подарок...

И её ревность и тоска странным образом начали уступать место другому чувству. В этом чувстве была и горчинка, и капля сладости, и обида, и тайная радость от того, что её выделили.

Она погладила нефритово-зелёные лепестки и прошептала, словно убеждая себя:

— Я... я просто злюсь, что император снова будет отвлекаться на этих людей... а вовсе не...

Не что?

Она вдруг почувствовала растерянность.

Глядя на зелёную хризантему, она смутно осознала, что мысли императрицы так же сложны и многослойны, как эти лепестки, и их трудно разгадать.

Но именно это почему-то притягивало её взгляд.

<http://bllate.org/book/18894/1846954>